

СЕКЦИЯ 1

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В. П. Старжинский, Н. И. Мушинский
Белорусский национальный технический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)

КАРТИНА МИРА КАК КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Психолингвистика, или когнитивная лингвистика, начинается с необходимости проникнуть в тайну сознания посредством обращения к его инструменту – языку и слову как атому сознания. Метафора «тайна сознания» предполагает исследование ряда теоретико-познавательных проблем: механизмов познания человеком мира, мышления, восприятия и других интеллектуальных практик. В настоящее время все они обозначаются как когнитивные. Постановка и попытка решения проблемы соотношения языка и мышления (именно таким образом первоначально была сформулирована основная когнитивная проблема в лингвистике) впервые была осуществлена в исследованиях Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) – выдающегося немецкого филолога и философа [7, с. 332]. Он предложил один из способов такого решения: язык должен изучаться не только как результат когнитивной деятельности, но и как ее средство. Следует рассматривать связь мышления и языка посредством культуры народа (этноса). «Действительно, индивидуальный характер может преобразоваться в национальный только... через язык» [1, с. 303], – отмечал ученый. По его мнению, язык выступает посредником между человеком и миром культуры. При этом посредничество не проходит бесследно. Напротив, язык, формируя культуру этноса, обуславливает отношение человека к миру культуры, который развивается. При этом восприятие действительности последующих поколений зависит от языковых репрезентаций предыдущих: «И так первобытное состояние древних племен... уже подготовило расцвет речи... на многие столе-

тия вперед» [1, с. 316]. В. фон Гумбольдт отмечает, что среди современных языков, даже самых примитивных, ни один не находится на стадии первоначального становления; все они уже давно сложились в глубокой древности в процессе этногенеза, аккумулировав глубинные архаические особенности отношений того или иного народа и окружающей природы. «Сама ценность языков определяется, по Гумбольдту, их способностью сохранять свой исконный словарный запас как главное духовное наследие предков» [4, с. 100].

Рассмотрение связи языка и мышления в современной интерпретации подразумевает анализ проблемы духовно-ценностного наследования, которое происходит в культуре. С методологических позиций подобные лингвистические новации разработанной В. фон Гумбольдтом концепции о связи языка и мышления можно выразить следующим образом. Язык не просто инструмент мысли; мышление и язык порождают материальную и духовную культуру, оказывающую обратное активное воздействие на субъекта посредством языка: «Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). Интеллектуальная деятельность посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия» [1, с. 75]. Всякая культура национальна, ее характер выражается именно в языке посредством особого видения мира, специфической для каждого этноса внутренней формы. Как слово несет на себе груз субъективных представлений респондента, так и язык в целом испытывает влияние на становление системы понятий и ценностей с позиций уже сформировавшегося менталитета и культуры народа: «Отдельный человек всегда связан с целым... своего народа, расы... всего человеческого рода... При словно бы негативном существовании... беспомощность одиночки толкает его к взаимодействию с себе подобными и требует ради возможных коллективных начинаний взаимопонимания посредством языка» [1, с. 63].

Немецкий ученый предложил новое видение языка: не как чего-то застывшего, совокупности лексических, грамматических или фонетических единиц, а в качестве динамичного процесса «формирования мысли», выражающего не только индивидуальное сознание, но и мирозерцание того или иного народа, его дух [8, с. 13]. Говоря современным языком, данную лингвистическую парадигму можно обозначить как культурно-антропологическую, поскольку средствами изучения тайны сознания являются не только элементы языка, но и процесс мышления, формиро-

вания общественного сознания. Сам В. фон Гумбольдт непосредственно связывал антропологию, философию языка и герменевтику [9, с. 607] и внес значительный вклад в развитие указанных дисциплин.

Следует отметить, что этнолингвистические исследования получили у ученого не только теоретическое оформление, но имели также ярко выраженное прикладное приложение в области политической деятельности, законотворчества и т. п. «Ценность этнического характера учитывалась Гумбольдтом не только умозрительно, в его размышлениях о сущности языка, но и вполне практически, к примеру, в проекте немецкой конституции (1813), где он призывает, распространяя... общегерманские принципы, сохранить все же различия в конституциях немецких земель» [2, с. 104]. С этим связана его действенная роль в становлении германского либерализма, которая активно переосмысливается современными исследователями [6, с. 122], в том числе в контексте обозначившегося на рубеже третьего тысячелетия миграционного кризиса, конфликта цивилизаций и т. п.

Показательно, что главное действующее лицо процесса формирования языка – субъект представлен у В. фон Гумбольдта в обобщенном виде, в форме этноса – народа, а также результатов сознательной деятельности – материальной и духовной культуры: «Язык, не будучи, по мысли Гумбольдта, свободным продуктом конкретного человека, а принадлежа всей нации, выступает в качестве переходного пункта от субъективности к объективности, от всегда ограниченной индивидуальности к охватывающему одновременно все в себе бытию» [2, с. 98]. Таким образом, уже в этот ранний период развития этнолингвистики можно обнаружить предпосылки того интереса на стыке лингвистической и онтологической проблематики, который выразился впоследствии в общеизвестном афоризме яркого представителя философской герменевтики М. Хайдеггера: «Язык – это дом бытия, ученые и поэты – хранители этого жилища».

Очень важно, что В. фон Гумбольдт не отдает предпочтения какой-либо одной языковой общности (передовой, прогрессивной и т. п.), утверждает ценность самых разных групп в общечеловеческом смысле, предлагает осуществлять их сравнительную характеристику: «Целью... сравнительной антропологии Гумбольдт считает сопоставление своеобразий (Eigentümlichkeiten) морального характера различных человеческих коллективов... Прагматические идеи подобной антропологии... позволяют Гумбольдту прийти к заключению, что знание характера одной нации невозможно без исследования характера другой, с которой та находится в ближайших отношениях» [2, с. 102–103]. Тем самым гипотеза лингви-

стической относительности как идея зависимости мышления от языка получает предварительную формулировку в виде «неявного знания».

Очевидно, что лингвистическая философия немецкого ученого изначально отвергает субстанциальный подход, на этом строится ее основополагающее положение: «1. Язык представляет собой не субстанцию мышления, а средство передачи мыслей» [5, с. 50]. Из него вытекают и другие принципы гумбольдтианства: «2. Каждый язык обладает своей внутренней формой – специфическим для него механизмом, позволяющим передавать мыслительное содержание... 3. Развитие любого языка бывает не стихийным, а подчиненным некоему единому „преобладающему началу“... 4. Своеобразие устройства любого языка обусловлено особенностями „национального духа“ данного народа» [5, с. 51]. В немалой степени с этим связаны перспективы дальнейшего использования идей В. фон Гумбольдта как методологической основы более современных учений, например, концепции системной лингвистики российского ученого Г. П. Мельникова (1928–2000) и т. п.

Разработку культурно-антропологической исследовательской парадигмы продолжили так называемые неогумбольдтианцы, внесшие в наследие немецкого филолога ряд новых плодотворных идей [2, с. 216], а также – постгумбольдтианцы. К числу наиболее ярких последователей прежде всего относится знаменитый немецкий лингвист Лео Вайсгербер (1899–1985), который пошел еще дальше в концептуализации гипотезы и ввел понятие языковой картины мира [3], ставшее популярным не только в современной лингвистике, но и в философии, а также культуре в целом. Собственно, первоначальное понятие принадлежало самому В. фон Гумбольдту, который по ряду причин так и не успел его подробно проработать, предоставив тем самым широкое поле исследования для своих продолжателей: «Действительно, открытие феномена картины мира в различном его терминологическом оформлении стало основным теоретическим достижением Гумбольдта» [4, с. 97]. Развивая идеи В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер считал, что каждый язык уникален и неповторим, в нем заложена своя специфическая схема, модель освоения мира – так называемая языковая картина мира. Оценивая свой вклад, «Л. Вайсгербер называет среди важнейших факторов временной разрыв между созданием концепции и ее популяризацией» [4, с. 108], подчеркивая тем самым возможность использования концепции языковой картины мира на стыке самых разных научных дисциплин гуманитарного профиля, акцентируя элемент относительности этнолингвистического познания.

Литература

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / В. фон. Гумбольдт; общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. – 400 с.
2. Даниленко, В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство / В. П. Даниленко. – М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.
3. Даниленко, В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера [Электронный ресурс] / В. П. Даниленко. – Режим доступа: <http://www.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> – Дата доступа: 15.09.18.
4. Радченко, О. А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство / О. А. Радченко // Вопр. языкознания. – 2001. – № 3. – С. 96–125.
5. Федосюк, М. Ю. Концепция В. фон Гумбольдта как возможная методологическая основа лингвистики XXI века / М. Ю. Федосюк // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва: сборник. – Kraków: Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2016. – Т. 2. – С. 117–129.
6. Roberts, J. German Liberalism and Wilhelm von Humboldt: A Reassessment / J. Roberts. – Mosaic Press, 2009. – 142 p.
7. Stubb, E. Wilhelm Von Humboldt's Philosophy of Language, its sources and Influence / E. Stubb. – Lewiston; N. Y. : Edwin Mellen Press, 2002. – 332 p.
8. Underhill, J. W. Humboldt, Worldview and Language / J. Underhill. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. – XII, 161 p.
9. Humboldt, W. von. Werke: in 5 Bd. / W. von. Humboldt. – Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. – Bd. 1. – 609 S.

Н. И. Курганова
Белорусский государственный экономический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)

КОНЦЕПТ УСПЕХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ

На современном этапе главной единицей репрезентации знания и опыта (как индивидуального, так и общественного) выступает концепт. Несмотря на отсутствие единого определения концепта, в современной лингвистике сложилось понимание того, что концепт представляет собой совокупность смыслов, оценок, ценностных суждений, вырабатываемых в социуме в ходе когнитивно-дискурсивной деятельности. Концепт